

I

Редакция "Историко-филологического журнала" сочла уместным и своевременным опубликовать работу московского историка Александра Иголкина, вышедшую в свет четыре года назад в "Армянском Вестнике" (1998, №3—4). Необходимость ее повторной публикации сегодня диктуется не только актуальностью проблемы, но прежде всего тем, что она, наверное, одна из лучших работ, если не сказать лучшая, среди тех, которые доселе были посвящены Московскому договору, заключенному в марте 1921 г. между Россией и Турцией.

Статья А. Иголкина правдива; она написана на основе объективного рассмотрения исторических фактов и реальностей без каких-либо натяжек и "патриотических" украшений.

Мы целиком и полностью разделяем оценку, данную автором этому договору в качестве документа, заключенного с позиции поспешного, ничем неоправданного революционизма и равнозначно направленного как против России, так и против Армении в пользу тогдашних турецких агрессоров. По автору, его оценка договора это "русский, а не какой-то иной взгляд из настоящего в прошлое". Нам остается добавить, что беспристрастный армянский историк (и не только он) не может не разделить этот взгляд автора, руководившего похвальным стремлением вскрыть ничем необоснованную протурецкую позицию тогдашнего российского руководства, заключившего этот несправедливый во всех отношениях договор в пользу Турции и во вред национальным интересам русского и армянского народов, России и Армении.

ВАРДГЕС МИКАЕЛЯН
академик НАН РА, редактор
"Историко-филологического журнала"

МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР С ТУРЦИЕЙ.
ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ ЧЕРЕЗ 77 ЛЕТ

АЛЕКСАНДР ИГОЛКИН (Москва)

В популярной советской исторической литературе о Московском договоре, заключенном в 1921 г. с Турцией, не писалось почти ничего. В специальных же трудах заинтересованный читатель об этом событии и его последствиях мог прочитать нечто странное и невразумительное. Если обобщить работы советских историков-международников, отнюдь не полемизировавших друг с другом, составить своеобразный реферат,

точнее — стилизованную "текст-имитацию" тех работ, то получится примерно следующий перечень фактов вместе с их интерпретацией:

"Московский договор 1921 года — яркое свидетельство и, вместе с тем, символ мудрости и справедливости ленинской внешней политики, ее очередная победа. Договор был заключен в марте 1921 г. между Советским правительством и кемалистскими руководителями Турции, боровшимися в то время за власть в своей стране с прежним, константинопольским правительством. Для понимания военно-политической обстановки марта 1921 г. важно отметить, что кемалистское руководство не только конфликтовало с султаном, но и вело в одиночку тяжелую войну с Грецией, Константинополь был оккупирован англичанами, а страны Антанты жаждали окончательного распада Османской империи, проигравшей Первую мировую войну и осужденной разделить судьбу Австро-Венгрии. Огромным успехом ленинской дипломатии, достигнутым в Москве, — продолжали советские историки, — стал срыв заключенного в августе 1920 г. Севрского договора, и в первую очередь — отказ от тех пунктов, в соответствии с которыми армяне и курды должны были бы жить в независимых Армении и Курдистане на своих исторических территориях. Лишь благодаря усилиям советского правительства и лично В. И. Ленина, исторические земли армян и курдов удалось оставить в составе Турции, причем без всяких намеков на реальную автономию. Очередным свидетельством торжества ленинской национальной политики стало и согласие советского руководства навсегда передать Турции в качестве дара ряд населенных армянами и грузинами районов, ранее входивших в состав Российской империи. Выполняя просьбу дружественного турецкого правительства, Москва добилась, чтобы в состав советского Азербайджана были включены прежние территории Армении с преобладающим армянским населением, в том числе — Нахичевань и Нагорный Карабах. В Севре империалисты Антанты отдавали все территории, населенные армянами, Армении. Добрая воля советского правительства, проявленная во время переговоров с кемалистами, станет особенно наглядна, если сравнить военный потенциал высоких договаривавшихся сторон: пятимиллионную Красную Армию, только что завершившую Гражданскую войну, и от 60 до 90 тысяч вооруженных кемалистов, армия которых почти в полном составе воевала с Грецией. Московский договор значительно укрепил внутривосточные позиции революционно настроенного генерала М. Кемалья, ставшего затем пожизненным президентом Турции под именем Ататюрка ("отца турок" или даже "отца тюрок"). Турция, не опасаясь открытия второго фронта, могла продолжать войну с Грецией. К сожалению, вопреки надеждам советского руководства, Кемаль так и не превратился в последовательного просвещенного буржуазно-демократического революционера-интернационалиста; присущие ему и раньше пантюркистские настроения в 20—30-е годы не только не исчезли, но еще больше укрепились.

Реакционные турецкие крути, близкие к президенту, стали периодически выступать с планами создания пресловутого "Великого Турана" — до Казани и Алтая. Уже через два года после заключения Московского договора Компартия Турции была запрещена, многие коммунисты подверглись жестоким репрессиям. Вопреки ожиданиям Советского правительства и ранее достигнутым предварительным договоренностям, в 1923 г. на Лозаннской конференции Турция выступила против Советского Союза по важнейшему для него вопросу о статусе Черноморских проливов. Тем не менее, Советское правительство продолжало мудрый стратегический ленинский курс на всемерное укрепление Турции и в 1925 г. поддержало Ататюрка, подавившего мятеж реакционных курдских шейхов. В дальнейшем Турция все больше сближалась с фашистской Германией, а во время Второй мировой войны, вплоть до февраля 1945 г., была ее фактическим союзником".

Вот такой набор фраз, внешне похожий на осмысленное изложение последовательных и взаимосвязанных событий.

Что это? Увы, не подражание Э. Ионеско или С. Беккету в непривычном для абсурдистов жанре исторического повествования. Почти каждая приведенная фраза опровергает предыдущую, но подобная мыслительная конструкция, концепция исторического процесса, действительно выходили из-под пера советских ученых. Пусть писавших чуть другим слогом и языком и не соединявших в одном предложении несоединимое — привычную риторiku и неоспоримые факты. Разумеется, алогичность хода мысли не подчеркивалась структурой текста, а всячески затенялась, некоторые прямо относящиеся к договору факты попадали в иные книги — не о мудрости, проявленной в 1921 г., а, например, о нейтрализации гитлеровского союзника у наших южных рубежей в 30–40-е годы. Можно доказать десятками цитат, что интерпретация событий, связанных с Московским договором, была именно такой, как в приведенном стилизованном тексте, и составленный нами краткий "сводный реферат" адекватно отражает общепринятые в советской исторической науке взгляды.

Как видим, попытка апологетики Московского договора обернулась у нас очевидным абсурдом, издевательством над здравым смыслом и исторической наукой. Можно ли построить защиту договора иначе? Наверное, но в этом случае придется заняться поиском аргументов, доказывающих благотворный характер национального угнетения османами армян и курдов, политический выигрыш Советской России от этой ситуации и соответствие такой политики официальной доктрине по национальному вопросу. Еще В. О. Ключевский утверждал, что "исторические факты ценятся главным образом по своим последствиям"¹. Особенно важен их анализ при оценке любого международного договора. Советские историки дружно уверяли, что эти последствия как раз и доказывали успех ленинской дипломатии. Никакой иной интерпретации

¹ В. О. К л ю ч е в с к и й. Сочинения. В 9-ти томах. Т. 5, М., 1989, с. 259.

исторических фактов, связанных с договором, в советской литературе мы пока не обнаружили.

Но ведь потеря своей исторической территории (а земли армянского народа для СССР были своими) в историографии обычно проходит по разряду не триумфов, а поражений. Согласие на вмешательство во внутренние дела независимого государства — тем более. Добровольные уступки, ослабляющие обороноспособность страны, взамен которых ничего не получено от агрессивного соседа, считаются глупостью. Или — предательством национальных интересов. Советские исследователи, однако, не углублялись в такие тонкости, старались уйти от подробностей. "Грандиозный, изумивший мир успех ленинской внешней политики" — и все тут. Миру, и в самом деле, было от чего изумляться. Прецедентов подобной дипломатии великой державы в истории не было.

Правда, один раз налаженная советская пропагандистская машина дала резкий сбой, представила совершенно иную интерпретацию событий 1921 года. И не где-нибудь в малотиражном специализированном журнале или закрытом письме ЦК, а в публикациях наиболее авторитетных советских газет, всегда выражавших официальную позицию политического руководства СССР.

В конце 1945 г. Турция в очередной раз проявила свою явную враждебность по отношению к СССР. В ответ в "Правде" и "Известиях" в один и тот же день было опубликовано открытое письмо авторитетных и уважаемых грузинских ученых. Из него неопровержимо следовало, что в начале 20-х гг. Турция, воспользовавшись слабостью молодого советского государства, отторгла у него ряд территорий, по праву принадлежащих Грузии. Академики С. Джанашиа и Н. Бердзенишвили в письме, озаглавленном "О наших законных требованиях к Турции", сообщали: "В тяжелое время, которое переживал грузинский народ в 1920 г. и в начале 1921 г., турки вторглись и оккупировали на территории Грузии Ардаганский, Олтинский и Артвинский округа и южный сектор Батумского округа в добавление к ранее захваченным исконным грузинским землям. Грузинский народ должен получить обратно свои земли, от которых он никогда не отказывался и отказаться не может"².

Все эти округа отошли к Турции по Московскому договору 1921 г. Через три дня "Правда" с удовлетворением проинформировала своих читателей, что в Александрии создан Армянский национальный совет, принявший решение: "...требовать присоединения к советской Армении армянских провинций, насильственно захваченных Турцией вопреки Севрскому договору"³. Аналогичные требования были предъявлены на конференции Армянского национального совета в Сан-Франциско. Орган ЦК ВКП(б) отнесся к этим требованиям с пониманием.

² "Правда", 20 декабря 1945 г.

³ "Правда", 23 декабря 1945 г.

22 февраля 1946 г. уже советский автор — А. К. Дживелегов — давал в "Известиях" такую оценку событиям 1918–1921 гг.: "Турция, воспользовавшись предательством дашнакского правительства, затруднениями молодой Советской Республики и слабостью Армении, опираясь на прямую поддержку германского империализма, захватила Карсскую и Ардаганскую области и Сурмалинский округ той части Армении, которая входила в состав прежней Российской империи. Мысль армян неизменно возвращалась к восстановлению их территорий в исторических границах"⁴.

Заодно выяснилось, что и борьбу с Турцией вели и ведут не "реакционные курдские шейхи", а свободолюбивый курдский народ, имеющий все основания рассчитывать на помощь братского советского народа в своем стремлении к политической независимости.

Выходит, что при заключении договора в 1921 г. турки навязали свою злую волю? После этих публикаций сложившаяся в головах заинтересованных читателей историческая картина становилась совсем уж рассогласованной и непонятной. Пытавшийся что-то понять человек вконец запутывался: так навязаны были Московский и последовавший за ним Карсский договоры с Турцией или заключались добровольно, в знак вечной дружбы и политического единства? Если это, как уверяли раньше, успех ленинской дипломатии, то почему в нем сомневаются почтенные грузинские академики, да еще на страницах "Правды"? А может быть, враги, проникшие в Наркоминдел, просто ввели тогда, в 1921 г., главу советского правительства в заблуждение? Средства массовой информации, однако, не стали обсуждать эти весьма интересные вопросы. Со страниц газет вся проблематика, связанная с оценкой Московского и развивавшего его Карсского договора, тут же, едва появившись, сошла, а в солидных монографиях ученые-историки продолжали излагать прежнюю версию: "миролюбие и мудрость Ленина, злобность Антанты, антиимпериализм Ататюрка" и прочее в том же духе.

Но историческая память народа и то, как штатные историки пытались ее представить в популярных и непопулярных печатных изданиях, — разные вещи. Московский договор совсем иначе, не так, как в прошедших строгую цензуру текстах, всегда присутствовал и присутствует в национальном самосознании ряда народов. Более того, он стал для некоторых из них своеобразным символом. Прежде всего это относится к армянам и курдам, исторические судьбы которых круто изменил сговор Ленина — Ататюрка.

Само собой, хорошо помнят о нем и в Турции — как же, отец — основатель современного турецкого государства (а значит — и государственной идеологии) сумел с честью выйти из безвыходного положения, когда почти весь мир готов был разорвать Турцию на части, сохранил и преумножил владения в важнейшем регионе.

⁴ "Известия", 22 февраля 1946 г.

А вот большинство сегодняшних граждан России о Московском договоре ничего не знает и не помнит. В разорванном российском сознании носятся лишь клочки каких-то понятий, смутные воспоминания о былых друзьях и врагах, мудрости и психопатологии прежних правителей, их заслугах и, по слову Пушкина, "темных деяниях". Нет целостной картины, ни общего, ни конкретного представления о единстве исторического процесса, геополитических противниках и надежных исторических союзниках. Исчезает существовавшее веками чувство, которое можно выразить примерно так: мы представляем собой лишь одно звено в длинной цепи поколений; через нас проходят потоки исторической энергии, зародившиеся не вчера и не позавчера; за все, что с нами происходит, мы отвечаем перед Богом, предками и потомками.

Объективная оценка Московского договора важна не только для армян, курдов, грузин, но и для нас, русских.

Проанализировать Московский договор 1921 г. — задача, как принято писать в научных работах, отличающаяся бесспорной новизной и очевидной актуальностью. Даже чрезмерной актуальностью, в какой-то мере мешающей беспристрастному историческому изучению. Причем не только интерпретации, но и простому описанию событий.

Сложность заключается в том, что если историк пишет, скажем, о Кючук-Кайнарджийском договоре, заключенном с той же Турцией в 1774 г., то все сопутствующие этому возможные проекции на сегодняшний день довольно слабы, уроки истории не доводятся до жестких императивных политических выводов. А вот обсуждение Московского договора невольно, неизбежно вызывает мощную ассоциативную волну, различные параллели. И с событиями конца 1930-х гг., и с днем сегодняшним.

Тем не менее, попробуем по-возможности беспристрастно ответить на обычные вопросы, возникающие при изучении историком любого международного договора: каковы были предыстория и предпосылки заключения, международное положение сторон, их военно-политический потенциал, намерения и интересы, тонкости дипломатических ходов, краткосрочные и долгосрочные последствия, в том числе для третьих стран. Полной беспристрастности все равно не получится. Ее бывает — ни у кого и никогда. Это будет русский — а не какой-то иной взгляд из настоящего в прошлое. Взгляд сквозь призму российских государственных интересов. Турецкие историки видят те же события совсем иначе. И это понятно.

Итак, что предшествовало Московскому договору? Что считать "начальной точкой", соотнесение с которой позволяет оценить и осмыслить Московский договор? По словам выдающегося историка М. Блока,

"для большинства исторических реальностей само понятие этой начальной точки как-то удивительно неуловимо"⁵.

Конечно, к 1921 г. позади была долгая, многовековая история русско-турецких отношений. Россия, как хорошо известно, столетиями почти непрерывно сталкивалась с Османской империей и ее вассалами и никак не могла установить прочный мир. Спокойными отношения не были никогда. Ни одного десятилетия, ни одного года. Отношения качественно отличались от, скажем, русско-персидских. На это различие стоит обратить внимание, оно доказывает, что в основе русско-турецкой конфликтности лежал отнюдь не религиозный фактор, ведь могла же Россия жить в мире и дружбе с соседней мусульманской страной. Напомним, что после 1828 г. Россия и Персия никогда не воевали, все условия Туркменчайского договора от 10 февраля 1828 г. стороны свято соблюдали почти 90 лет. Договор сохранял силу вплоть до октябрьского переворота 1917 г. и был расторгнут в одностороннем порядке исключительно по инициативе Ленина. Во время Крымской войны Персия новый фронт не открыла, присоединению к России Туркестана не препятствовала, никаких исламских или иных мятежников в Российской империи не поддерживала. Перед революцией рабочих-персов на нефтепромыслах в Баку было больше, чем армян, русских и тем более азербайджанцев (как тогда говорили — "кавказских татар"). Россия сталкивалась в Персии с Великобританией, желавшей сделать эту страну "продолжением Британской Индии". И разве от того, что англичанам это не удалось, не выиграли в Тегеране и Тебризе? Даже во время "Красной смуты" никаких выгод для себя Персия извлечь не пыталась. А вот "освободительный поход" сформированной в 1920 г. в Азербайджане Революционной Иранской армии планировался, но, к счастью для наших народов, сорвался.

Уже давно Иран стал союзником России в регионе. Историческим, геополитическим союзником. Геополитических союзников определяют не громкие клятвы в вечной дружбе и совместные проклятия "империалистам" или кому-то еще, а реальная политика многих десятилетий и национальный менталитет. Историческое объяснение близости России и Персии восходит еще к А. С. Хомякову. Но это совсем другая тема, поэтому вернемся к Турции.

Характер русско-турецких отношений принципиально отличался от русско-персидских. В конце XIX — начале XX века правители Османской империи продолжали вести традиционную для себя активную антироссийскую политику. Султан Абдул-Гамид даже не пытался как-то объяснять свои внешнеполитические антипатии. Вряд ли султан задумывался, почему он не любит своего великого северного соседа, — он просто продолжал никогда не менявшуюся политику Блистательной Порты. В 1894 — 1896 гг. Абдул-Гамид организовал кровавые погромы

⁵ М. Б л о к. Апология истории, или Ремесло историка. Пер. с фр., М., 1986, с. 21.

армян. Россия, считавшая себя покровителем христиан Востока, справедливо сочла эту акцию не только проявлением средневекового варварства, но и грубой антироссийской демонстрацией. Отношения между странами еще больше ухудшились.

И турецкие, и нетурецкие историки сегодня согласны: внутренняя и внешняя политика Абдул-Гамида не отличалась мудростью. Над его анекдотическими решениями смеялся весь мир. Султан запретил в своей стране всякую политическую жизнь и свободомыслие. Новинкой в политической практике стал запрет на употребление ряда слов, и не только таких, как "свобода" и "герой", но и политически нейтрального слова "осел" — на арабском языке, где оно звучало как "хамид" — слишком похоже на турецкое имя султана. В 1903 г. султан выработал особый регламент для газет: отныне редакторы были обязаны избегать слов "продолжение следует" — чтобы "не возбуждать в читателях любопытства", избегать многоточий, которые "могли бы нарушить спокойствие умов"⁶.

В 1908 г. на исторической сцене впервые появляется будущий вдохновитель и организатор Московского договора (с турецкой стороны) — офицер османской армии Мустафа Кемаль. Он принимает участие в верхушечном военном перевороте, названном его организаторами "младотурецкой революцией". В 1909 г. М. Кемаль стал начальником штаба в созданной младотурками "Армии действия". Экономической основой переворота была, прежде всего, борьба за нефть, найденную в Османской империи, и за другие источники доходов — сверх всякой меры жадный Абдул-Гамид ни с кем не хотел делиться. А идеологическим лозунгом "революционных офицеров" стала триада — "панисламизм, османизм, пантюркизм". По мнению участников путча, Абдул-Гамид был уж слишком либерален по отношению к нетюрским народам Османской империи. Проще говоря, плохо их "отуречивал". Младотурки обещали решительно преодолеть "мягкотелый либерализм" султана, которого весь мир, может быть, за исключением кайзера Вильгельма, называл "Кровавым".

Младотурецкие идеологи открыто провозгласили: "Пусть нам только перестанут мешать агитаторы из Софии и из Афин, тогда мы установим истинную свободу (запрещенное Абдул-Гамидом слово наконец вернулось! — *А. И.*), и тогда вы увидите, как мы легко переварим всех греков, арабов, албанцев и сделаем из них один народ, с одним материнским языком; и они еще сами побегут нам навстречу"⁷. Знаменательно, что в список жаждавших отуречивания народов армяне не попали.

⁶ В. Г у р к о - К р я ж и н. История революции в Турции. М., 1923, с. 23.

⁷ Там же, с. 46.

В 1909 г. Абдул-Гамид пытается вернуться к власти; в ходе борьбы между его сторонниками и противниками в Киликии было убито около 20 тысяч армян⁸.

В 1913 г. в Турции произошел очередной переворот: Энвер-паша, разрезав великого визиря М. Шевкета-папу, захватил власть в стране; формальный глава государства престарелый султан Мехмед V боялся даже случайно вмешаться в государственные дела.

Начавшаяся вскоре Первая мировая война предоставила новому младотурецкому правительству возможность в полной мере проявить свою сущность и войти в мировую историю. Рядом с Гитлером и Пол Потом, точнее впереди них — хотя бы хронологически.

Известный историк Г. Манн, сын Т. Манна, назвал Первую мировую войну "катастрофой-матерью" всех катастроф XX века⁹. Исходным пунктом всех последующих событий века стала Первая мировая война — таково практически единодушное мнение историков. Это относится и ко всем более поздним трагедиям Закавказья. Формально именно Московский договор завершил семилетнюю полосу военных действий в регионе, начавшуюся в 1914 г. Итак, обратимся к непосредственной предыстории союза Ленина — Ататюрка.

Летом 1914 г., в период лихорадочной подготовки к войне, Турция неожиданно предприняла попытку убедить русское правительство в готовности стать союзницей России, отказаться от традиционной ориентации на Германию.

2 августа 1914 г. Турция подписала тайный договор о военном союзе с Германией. И тут же начала переговоры в Константинополе о союзе с Россией. Возглавлявший турецкое правительство Энвер паша просто солгал русскому представителю, что "вопреки существующему мнению, Турция не связана еще никаким соглашением с Тройственным союзом и, в частности, с Германией"¹⁰. В Петербурге восточную хитрость легко разгадали. Османская империя никогда ни в чем Россию не поддерживала. А за полтора столетия, предшествовавших 1914 году, все войны против России велись либо при участии Турции, либо при ее крайне опасном "вооруженном нейтралитете". Союзный договор России с Турцией от 11 сентября 1805 г. лишь подтверждает общее правило: договор имел антифранцузскую направленность, однако после победы Наполеона под Аустерлицем Турция тут же начала против России новую войну. Русские дипломаты старой школы историю знали и считали, что она содержит важные уроки, которые можно и обязательно нужно из истории извлекать. Турецкое правительство откровенно готовилось к войне, заявив немцам, что открытию военных действий препятствует только одно — безденежье в турецкой казне. 11 октября 1914 г.

⁸ Там же, с. 60.

⁹ Цит. по: И. М. С а в е л ь е в а, А. В. П о л е т а е в. История и время. В поисках утраченного, М., 1997, с. 157.

¹⁰ А. Ф. М и л л е р. Очерки новейшей истории Турции. М. — Л., 1948, с. 33.

Германия предоставила Турции заем в 100 млн. франков: в свою очередь, турецкое правительство обязалось начать боевые действия, как только часть денег прибудет в Стамбул. 26 октября первая часть золота пришла в турецкую столицу. 29 октября, без объявления войны, Турция напала на русские суда в Черном море, открыто присоединилась к австро-германскому блоку. В ее планах — захват всего российского Закавказья, а по возможности и Северного Кавказа — вплоть до Грозного. На Кавказском фронте начались боевые действия. Русская армия оказалась много сильнее. Уже к январю 1915 г. турецкие войска были наголову разбиты в ходе Сарыкамышской операции, что предопределяло исход всей кампании на Закавказском театре военных действий¹¹.

Не проявив себя на поле боя, турки решили отыграться на мирном и безоружном армянском населении Османской империи. Учившиеся в военных академиях и стремившиеся внешне европеизироваться младотурецкие "революционеры" организовали доселе невиданный по масштабам и жестокости геноцид. Турцию тогда возглавлял триумvirат в составе Энвер-паши, Талаат-паши и Джемаль-паши. М. Кемаль был в апреле 1915 г. высокопоставленным военным руководителем.

Лежит ли вина за политику геноцида только на трех-четырех высших руководителях государства? Турецких генералов международный трибунал не судил, на этот вопрос ответил только Нюрнбергский процесс. Ответил отрицательно.

Воевавшие с Оттоманской империей страны Антанты не могли не думать о последующей судьбе своего противника. В Лондоне, Париже и Петрограде Турцию считали не случайным, а "естественным" геополитическим союзником Германии. Последующая история — вплоть до наших дней — не опровергла эту оценку. В интересах не только Антанты, но и всего мира было бы разрушить многонациональную лоскутную империю, прекратить турецкий гнет над нетюркскими народами, предоставить им возможность создать национальные государства.

Справедливость требовала также, чтобы Турция ответила за геноцид. Иначе через полтора-два десятилетия при подготовке нового геноцида, такого же ужасного и еще более масштабного, новый Энвер-паша, уже в другой стране, мог бы сказать своим подручным: "Ну чего вы боитесь? Кто теперь помнит о полутора миллионах истребленных армян?"

Оставлять после войны Западную Армению под османским игом будущие победители считали невозможным.

Послевоенная судьба Оттоманской империи предопределялась соглашением Сайкса-Пико, в соответствии с которым Россия получала области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса, а также часть Курдистана. Неожиданный приход к власти в Петрограде большевиков сломал все прежние планы. Новое правительство России легко отказалось от

¹¹ Подробнее см.: Н. Г. К о р с у н. Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914 — 1915 году. М., 1937.

соглашения Сайкса-Пико, как и ото всех, без исключения, прочих международных договоров царского и Временного правительства. Антанта была объявлена Лениным врагом куда большим, чем Германия и Турция. По Брестскому миру Лениным фактически отдавались Оттоманской империи не только Западная, но и Восточная Армения, некоторые другие российские закавказские территории. Баку и Грозный, правда, большевики хотели бы оставить за собой. Но турки, почувствовав слабость векового противника, желали властвовать, по меньшей мере, на всем Кавказе, частичные уступки их не устраивали. Брестские соглашения в Стамбуле были отброшены, в сентябре 1918 г. турецко-азербайджанская армия разграбила Баку и рвалась к Грозному. Наступление турок остановилось благодаря их разгрому странами Антанты на других фронтах и полной капитуляции 30 октября 1918 года. Турция сдалась на милость победителей раньше Германии. Победители заставили Турцию немедленно оставить прежние российские губернии, весной 1918 г. объявившие себя независимыми государствами.

На территориях, прежде занятых турками, ведущие державы Антанты особенно интересовала нефть. Именно из-за месторождений нефти Англия сделала все, чтобы Ирак получил независимость и турки навсегда забыли о всяких претензиях на него. Турцию постарались развести и с Азербайджаном. Мирные переговоры со странами Антанты вело султанское правительство Оттоманской империи. Было ясно, что придется выполнять волю победителей, отвечать за агрессивную политику и геноцид.

Однако в глубине Оттоманской империи, в Анатолии, группа генералов и офицеров во главе с генералом М. Кемалем заявила, что любые заключенные султанским правительством международные договоры им не указ. Аргументация знакомая: какие вообще могут быть соглашения с империалистами со стороны самого свободолюбивого и миролюбивого народа? Какая независимость других народов империи? Ведь при османском владычестве так хорошо было и арабам, и курдам, и грекам. И другим...

В революционной Москве, разумеется, сразу же заметили новых "борцов за свободу", "авангард революционного антиимпериалистического Востока".

Итак, через одиннадцать лет после младотурецкой в Турции началась вторая революция — кемалистская. Те, первые революционеры по своей жестокости далеко превзошли Аттилу и Тамерлана. Как то покажут себя вторые, ведь и сам лидер нового движения, и многие другие участники с тем же революционным пылом уже выступали против Абдул-Гамида в 1908 году?

По решению держав Антанты 15 мая 1919 г. греческие войска заняли Смирну (Измир) — территорию, где греки жили на протяжении всей своей истории. В конце мая начались вооруженные столкновения между греками и турками, тогда же в Анатолию прибыл М. Кемаль,

вскоре возникло параллельное турецкое правительство. Столкновения быстро переросли в настоящую войну.

Если смотреть издалека, из 1998 года, то совершенно ясно: это был очередной акт многовековой борьбы, не завершившейся и по сей день, свидетельство чему — хотя бы разделенный Кипр. До Ленина Россия была на стороне православной Греции. Всегда. Да разве могло быть иначе? В историософских построениях нас, русских и греков, относили и относят к одной цивилизации — восточно-христианской. И по А. Тойби, и по С. Хантингтону, восточные христиане едины по своей духовной сути. Это и в самом деле так. У нас общие духовные предки. Общие святые. Общие исторические противники. А если рассуждать в терминах сугубо материалистических, Греция никаким русским интересам никогда не угрожала и угрожать не могла. В отличие от Турции.

И все-таки Ленин выбрал курс на поддержку Турции и противодействие Греции. Если исходить из обычного представления о том, что государственные деятели призваны отстаивать интересы своей страны, то это — глупость или предательство. Но, как хорошо известно, придя к власти, большевики и не собирались защищать национальные интересы России. В своей внешней политике в первые годы они руководствовались совершенно иными критериями.

Летом 1920 г. в Турции было два правительства. Одно — М. Кемаль — находилось в Анкаре, и верные ему войска воевали с Грецией, другое правительство (Константинопольское) в это же время вело во Франции переговоры со странами Антанты, в том числе — Грецией и независимой Арменией. 10 августа 1920 г. стороны подписали Севрский мирный договор, определявший новые границы Турции. Согласно договору, весь военный флот Турции передавался союзникам, турецкая армия ограничивалась 50-тью тыс. человек.

Еще до подписания Севрского договора М. Кемаль заявил, что никакие договоры Константинопольского правительства им признаны не будут. Советское правительство тут же пообещало Анкаре свою поддержку в борьбе с общим врагом — Антантой. Это значило — прежде всего в борьбе с Арменией и Грецией, попутно — с курдами.

В истории бывало всякое. Христианские Англия, Франция и Сардиния вместе с магометанской Турцией обрушились на Россию в Крымскую кампанию. Но лишь при Ленине впервые объединились Россия и Турция. Против христиан — армян и греков, против мусульман — курдов. Интересам Англии и Франции союз с Турцией, заключенный при Николае I, никак не противоречил. В отличие от Наполеона III и Пальмерстона, Ленин интересами страны, которую он возглавлял, откровенно жертвовал.

Севрский договор возвращал Армении ее исторические территории, предоставлял курдам возможность создать самостоятельное государство. В составе Турции оставались территории с преобладающим турецким населением. По договору к Армении должны были отойти Трапе-

зунд, Эрзинджан, Эрзерум, Баязид, Муш, Битлис, Ван¹². Турция потеряла не только Западную Армению и Курдистан, но и иные территории: Измир, Сирию, Ливан, Палестину, Месопотамию, владения на Аравийском полуострове. Страны Антанты сумели заставить Турцию выполнить большую часть договора. С Арменией, Курдистаном и Измиром было сложнее. Другие бывшие турецкие владения превращались в подмандатные территории Англии и Франции. Опека над Арменией предлагалась Соединенным Штатам, совершенно в этом не заинтересованным.

За Западную Армению, Курдистан и Измир Турция, при поддержке Москвы, могла еще побороться. Ни Англии, ни Франции напрямую они не были нужны. А если и нужны — то не настолько, чтобы посылать в эти районы свои войска. Но ведь можно было обойтись без новой войны — резонно полагали в Лондоне и Париже. Весь мир требовал предоставить угнетенным народам Османской империи право на самоопределение. Весь мир, возможно, считал разумным и новое русское правительство, много говорившее о праве наций на самоопределение. Разве не в интересах России — любой России, красной или белой, — сильная Армения, независимый Курдистан и Турция, не способная угрожать своим соседям?

Оказалось, что нет. Ленин, как и обещал, продемонстрировал совершенно новую политическую логику. Дипломатам всех без исключения прежних школ она должна была казаться вывернутой наизнанку.

Если думать о геостратегическом балансе, естественных союзниках и противниках, политическом равновесии и силовых противовесах, смотреть на десятилетия вперед — то сильная Армения, все равно, советизированная или нет, — огромное приобретение для России. Суннитская Турция должна забыть старые мечты о "Великом Туране", имея под боком мощные христианские Армению и Грецию, шиитские Иран и Курдистан. В этом случае за свой Юг Россия могла быть спокойна. Это — если думать о национальных интересах, смотреть вперед и пользоваться обычной политической логикой.

Но существовавшая тысячелетия политическая логика была в то время в Кремле отброшена. Категория "национальных интересов" попала в число "буржуазных пережитков". Было решено, что у полноценных, не лишенных политических прав граждан новой страны вообще нет никаких своих национальных интересов. Да и откуда они возьмутся, — рассуждали большевики, — у граждан первой республики из Земшарного Союза Социалистических Республик, да еще буквально накануне Мировой Революции? Провозглашалось, что есть лишь классовые интересы мирового пролетариата, представлять которые и желало правительство Ленина — Троцкого. Исходя из интересов мирового пролетариата (а отнюдь не России) и следовало определять новых союзников и противников на международной арене.

12 А. Ф. М и л л е р. Указ. раб., с. 96 — 97.

Характер отношений с промышленно развитыми государствами в 1920 г. в Москве был четко определен на основе учения Маркса: пролетариат поддерживать, с буржуазией бороться. А вот как быть с теми странами, где нет никакого пролетариата и даже его слабого подобия — какого-либо полупролетариата, протопролетариата или люмпенпролетариата? Маркс об этом не писал, так как в его схеме мирового исторического процесса такой вопрос просто не мог возникнуть: мировая революция обязана была начаться с наиболее развитых стран Европы, постепенно распространившись на весь мир. Коминтерну пришлось самостоятельно срочно разрабатывать новое учение о союзнике пролетариата на международной арене. Таким союзником было признано национально-освободительное движение в колониальных и полуколониальных странах. Если пользоваться формальной логикой, Турция под это определение никак не подходила: Османская империя сама была "колонизатором" и эксплуататором многих народов. Ни колонией, ни полуколонией Турция не была, колонизировать ее никто не собирался. Говорить о султанине как о борце за свободу и прогресс было невозможно, в Москве понимали, что насилие над разумом все-таки не беспредельно. А вот генерал Мустафа Кемаль — не подойдет ли он на роль мирового лидера национально-освободительного движения? Кремлевские руководители тщательно проанализировали идеологию и политику генерала.

Кто такой М. Кемаль образца 1920 года? На первый взгляд — обычный генерал-путчист, страшно далекий от трудового народа, от всякого пролетариата — по своему происхождению, воспитанию, мировоззрению, социальному положению, окружению, внутривластной базе, поведению в любых ситуациях. Это на первый взгляд. Но ведь и на второй большевистский взгляд — ярый, неисправимый антикоммунист, органически не переносивший внушенного шайтаном атеистического марксистского учения. И все-таки Ленин решил — вот он, долгожданный "свет с Востока".

Что же привлекло в М. Кемале Ленина и Троцкого? Прежде всего, фраза, революционная восточно-цветистая фраза, весь стандартный, такой знакомый большевикам набор проклятий "Антанте", "империалистам" вообще и Д. Ллойд-Джорджу в частности. И, конечно, дашнакскому правительству независимой Армении. И для турок, и для большевиков слово "дашнак" звучало синонимом страшного, смертельного врага. Для турок это, в общем, понятно, иначе и быть не могло. Для русских дашнаки могли и должны были бы стать союзниками. Но большевикам нужны были иные партнеры.

Османы в декларациях М. Кемаля представляли вольнолюбивыми, прогрессивными и миролюбивыми до предела. В то же время, всегда готовыми воевать — но только с империалистами. Что будто бы и доказывали всей своей историей народам Востока, а при случае — и Европы: сербам, грекам, болгарам... Правда, на этот счет у нетурецких исто-

риков было иное мнение, с которым Ленин, к сожалению, не ознакомился.

В Кремле, безусловно, анализировали не только риторику, но и реальную политику Анкары. Кемалистская Турция воевала с Грецией, отказывалась выполнять любые решения Антанты. В 1920 г. для большевиков Антанта — все еще злейший враг, М. Кемаль — враг этого врага. Значит, друг? Или хотя бы — стратегический союзник? Мудрость политика заключается в умении правильно определять и искусно приобретать стратегических союзников. Стратегических — значит, на десятилетия. М. Кемаль и был признан таким союзником. Как вскоре выяснилось — ошибочно. Турецкий лидер в открытую начал играть "свою игру" и против России, и против Коминтерна уже с 1923 года. Но в 1920 г., никем не признанный, он вел себя по отношению к Ленину иначе. За два дня до ввода Одиннадцатой армии Советской России в Азербайджан, 26 апреля 1920 г., Мустафа Кемаль обратился к Советскому правительству с письмом, в котором заявлял, что Турция "обязуется повлиять на Азербайджанскую республику, чтобы она вошла в круг советских государств"¹³. Турецкий генерал обещал также "бороться совместно с Советской Россией против империалистических правительств для освобождения всех угнетенных"¹⁴.

Турки активно поддержали вступление Красной Армии в Азербайджан. Мусаватисты тогда не получили поддержки из Анкары. Их лидеры бежали в Грузию, а не Турцию. В годовом отчете Наркоминдела РСФСР к VIII съезду Советов отмечалось: "Кемалисты вступили с нами в сношения через Азербайджан, где группа их приверженцев содействовала перевороту и приглашению российских красных войск революционным азербайджанским правительством"¹⁵. 16 марта 1920 г. английские войска оккупировали Константинополь. В мае началось греческое наступление, правительство Кемаля находилось в критическом положении и искало любых союзников, за поставки оружия оно готово было обещать что угодно.

19 июля 1920 г. в Москву прибыла турецкая делегация, ее цель — подписать договор о дружбе и немедленно получить от Советской России помощь вооружением и деньгами. 24 июля делегация была принята Г. В. Чичериным, 14 августа — В. И. Лениным. К 24 августа проект договора был закончен и парафирован главами делегации.

Следует отметить, что на переговорах, проходивших в Москве летом 1920 г., Г. В. Чичерин предлагал, чтобы земли, где до 1914 г. жило армянское большинство, перешли к Армении. Эта позиция не нашла понимания у турецкой делегации, так же как и требование советского наркома иностранных дел создать в пределах Ванского и Битлисского вилайетов "армянский очаг".

¹³ Документы внешней политики СССР. Т. II, М., 1958, с. 725.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 724.

В ходе переговоров к какому-либо соглашению о турецко-армянской границе стороны так и не пришли. В это время наркоминдел вел в Москве переговоры с делегацией дашнакского правительства Армении – и тоже по проблеме определения будущей границы. И тоже безрезультатно.

14 августа 1920 г. М. Кемаль заявил в меджлисе: "Большевизм может рассматриваться как точка зрения угнетенного класса внутри нации. Наша же нация в целом является угнетенной, поэтому она заслуживает поддержки со стороны сил, стремящихся переделать мир"¹⁶. В Москве заявление генерала очень понравилось, красивая восточная лесть была принята за крик души. Следуя примеру Ленина, Кемаль назвал своих министров "комиссарами" – еще один реверанс в сторону пролетарской революции.

Симпатии Кемаля к большевизму были столь велики, что в состав делегации, отправленной в Москву, был включен турецкий коммунист – Фуад Сабит. Кемаль надеялся, и не без оснований, что такой делегации Москва не откажет в помощи¹⁷.

Не только М. Кемаль, но и Энвер-паша, главный организатор геноцида армян, в 1920 г. неожиданно почувствовал прилив антиимпериалистических чувств: он принял участие в состоявшемся в сентябре 1920 г. в Баку съезде народов Востока.

Турки просили Советское правительство еще до разрешения спорных вопросов бесплатно предоставить крайне необходимые им для борьбы с мировым империализмом вещи: 200 тыс. винтовок, 350–400 артиллерийских орудий, 500 пулеметов, 200 самолетов, 100 грузовиков, 40 легковых автомобилей, 5 млн. винтовочных патронов, 75 тыс. снарядов, обмундирование на 100 тыс. солдат и многое другое¹⁸.

Часть оружия была предоставлена тут же. Уже летом 1920 г. Советское правительство направило для передачи войскам М. Кемаля 6 тыс. винтовок, свыше 5 млн. патронов, 17600 артиллерийских снарядов¹⁹. Юсуф Кемаль увез с собой из Москвы 1 млн. рублей золотом.

Москва стала военно-политическим союзником Анкары. Об этом знали все. Одиннадцатая армия Советской России стояла в Азербайджане, на границе с независимой Арменией. Армянские коммунисты, ожидая ее поддержки, в мае 1920 г. начали восстание. Красная Армия заняла Карабах, передав его Азербайджану, но на помощь армянским коммунистам не пришла. Почему? И по сей день на этот счет можно только строить предположения. Во всяком случае, ясно, что причины были чисто политическими, а не военными: если без боев сдался мусаватский Азербайджан, то уж воевать с русскими армяне бы точно не

16 С. И. Кузнецова. Установление советско-турецких отношений. М., 1961, с. 19.

17 Документы внешней политики СССР. Т. II, М., 1958, с. 726.

18 С. И. Кузнецова. Указ. раб., с. 22.

19 Документы внешней политики СССР. Т. III, М., 1959, с. 675.

стали. Тем более что турецкая угроза быстро нарастала. В конце сентября 1920 г. началась армяно-турецкая война. На фронте с Грецией как раз в это время почему-то установилось затишье. В Турции были получены большие партии советского оружия. Армения осталась со своим вековым врагом один на один и не смогла остановить турецкое нашествие. Впервые за всю историю армяне знали: новое русское руководство, большевики – противники их правительства, дашнаков, и союзники турок. Но не враги же армянского народа?

Во время войны с Турцией Армения испытывала непрерывное давление со стороны советского Азербайджана. Чуть позже, в конце декабря 1920 г., советское правительство так трактовало армяно-азербайджанские противоречия лета-осени 1920 г.: "В Зангезуре, Карабахе, в Нахичеванском округе, в Шаруро-Даралаизском уезде национальная борьба между армянами и мусульманами еще осложнилась мировой борьбой между антантовским империализмом, которого аванпостом стали дашнаки, и советским миром с его аванпостом – Азербайджаном. Советское правительство в интересах мира решило своими собственными войсками занять спорную полосу – между Арменией и Азербайджаном... По договору 28 октября (1920 г.) Армения отказалась от Карабаха, но получила Зангезур и Нахичевань, ей обещана ссуда в 2,5 млн. руб. золотом"²⁰.

28 сентября 1920 г. турецкая армия вторглась в пределы Армении. 29 сентября она заняла Сарыкамыш и Кагызман, 30 октября – Карс.

7 ноября 1920 г. турки вступили в Александрополь. Кемалистское командование издевательски заявило, что турецкие войска несут армянскому народу рабоче-крестьянскую власть. Кемалистское командование могло говорить что угодно. Как отмечали советские историки, "очень скоро выяснилось враждебное отношение оккупационных войск к коммунистам и Ревкому. Начались аресты и грабежи, насилия над женщинами"²¹. 18 ноября 1920 г. Армении пришлось подписать перемирие.

29 ноября 1920 г. М. Кемаль, направляя письмо в Москву, заявил не только о сугубом антиимпериализме своих взглядов (это он делал и раньше), но и антибуржуазности, что должно было особенно порадовать Ленина и Троцкого. Турецкий генерал с чувством писал: "...в тот день, когда сознание преступности колониальной политики проникнет в сердца трудящихся масс мира, – власть буржуазии кончится"²². Видимо, в понятие "буржуазии" он вкладывал что-то свое.

В день, когда было отправлено это письмо, большевики провозгласили Армению советской, что позволило не признать подписанный дашнакским правительством 2 декабря 1920 г. Александропольский дого-

20 Там же, т. II, 1958, с. 728.

21 А. Н. Х е й ф е ц. Советская дипломатия и народы Востока. 1921 – 1927. М., 1968, с. 92.

22 Документы внешней политики СССР. Т. III, с. 12.

вор, крайне невыгодный для Армении. Договор был с самого начала неправомочен. Весьма вероятно, что дашнаки учитывали это обстоятельство.

А коммунистические симпатии у турецкого генерала очень быстро исчезли. В январе 1921 г. на территории, контролировавшейся М. Кемалем, произошло убийство руководителей Коммунистической партии Турции — Мустафы Субхи и еще 15 человек, они были коварно приглашены на родину — якобы для борьбы с империалистами. Москва сделала вид, что не заметила потери своих бойцов.

Советизация Армении отнюдь не привела к выводу турецких войск с ее территории. Более того, турки вели себя точно так же, как в 1918 году. Или в любом ином, когда их армия входила в армянские города и села. В ноте правительства Армянской ССР от 19 января 1921 г. говорилось, что "в Карсском, Александропольском уездах, в нейтральной зоне оккупационными отрядами совершались и совершаются насилия, грабежи и убийства мирного трудового населения"²³.

Турецкие руководители, правда, иначе оценивали действия своих солдат на оккупированной территории. В ноте от 5 февраля 1921 г. министр иностранных дел правительства Кемаля Бекир Сами заявил: "Поведение турецкой армии во время войны было настолько образцово, что даже относящиеся к нам, как известно, с пристрастием американцы должны были с этим согласиться"²⁴. Министр, к сожалению, не уточнял, какие именно американцы и когда были так приятно поражены поведением турецких войск. 13 февраля 1921 г. в Армении начался антибольшевистский мятеж, 18 февраля восставшие заняли Эривань. Доказать, что мятеж был умышленно спровоцирован или был стихийным народным бунтом против зверств армянских ультрабольшевиков, сегодня невозможно — нет документов. Но почему не предпринималось реальной попытки его предотвратить до открытия переговоров в Москве? Ведь Советская Армения напрямую должна была участвовать в переговорах. Может быть, Ленин и его окружение не были в этом заинтересованы?

Всего за три дня до открытия переговоров в Москве, 23 февраля 1921 г., турецкие войска вошли в Ардаган и Артвин²⁵. Турки уверяли Москву, что эти города заняты с согласия грузинского меньшевистского правительства, ибо советское правительство "не имело возможности" своевременно поставить в известность Турцию о том, что в Грузии установлена Советская власть²⁶.

26 февраля Московская конференция по заключению советско-турецкого договора начала работу. Представления высших советских руководителей о будущей армяно-турецкой границе не совпадали; взгля-

23 Там же, с. 485.

24 Там же, с. 488.

25 С. И. Кузнецов а. Указ. раб., с. 47.

26 А. Н. Хейфец. Указ. раб., с. 98.

ды Чичерина отличались от взглядов выступавших единым блоком Ленина, Сталина и Нариманова.

Незадолго до начала Московской конференции Сталин попросил Ленина, чтобы тот воздействовал на Чичерина и добился изменения позиции советского наркоминдела по армянскому вопросу. Соответствующий документ — письмо Сталина — недавно был опубликован: "г. Ленин! Я вчера только узнал, что Чичерин действительно послал когда-то туркам дурацкое (и провокационное) требование об очищении Вана, Муша и Битлиса (турецкие провинции с громадным преобладанием турок) в пользу Армении.

Это армянское империалистическое требование не может быть нашим требованием. Нужно запретить Чичерину посылку нот туркам под диктовку националистически настроенных армян"²⁷.

19 февраля 1921 г. азербайджанский руководитель Н. Нариманов писал Ленину: "Я должен предупредить Вас: тов. Чичерин путает восточный вопрос, он слишком увлекается армянским вопросом и не учитывает всего, что может быть, если разрыв с ангорцами (правительством Анкары. — *А. И.*) будет именно из-за армянского вопроса. Я категорически заявляю ... если хотим Азербайджан удержать за собой (Азербайджан! — *А. И.*), мы должны с ангорцами заключить крепкий союз во что бы то ни стало"²⁸.

Интересная получалась ситуация: советскому политическому руководителю были ближе интересы соседней, отнюдь не социалистической страны, а не народа, населяющего союзную социалистическую республику. Разумеется, на Г. В. Чичерина вновь было оказано давление, ему пришлось подчиниться партийной дисциплине. Тем не менее, в ходе переговоров Г. В. Чичерин пытался возратить хотя бы часть Восточной Армении, Карс и Ардаган.

Следующая записка Ленина Чичерину от 9 марта 1921 г. свидетельствует о том, что во время переговоров в Москве турки предпочитали иметь дело со Сталиным, а не с Чичериным: "Обсудите такую меру: вы перервете (так в тексте. — *А. И.*) вашу конференцию на полчаса для разговора со мной, а Сталин в это время поговорит начистоту с турецкой делегацией, чтобы выяснить дело и довести до конца сегодня же"²⁹. Почему для разговора с турками "начистоту" Сталин должен был остаться без Чичерина?

В речи на открытии конференции глава турецкой делегации Юсуф Кемаль сказал: "Не буду ссылаться на исторические факты, но смею уверить всех трудящихся в России, крестьян, рабочих и солдат, что турецкий народ чистосердечно протягивает им свою руку"³⁰. Подходящих

27 Э. О г а н е с я н. Век борьбы. Мюнхен — Москва, 1991, с. 363.

28 Там же, с. 365.

29 В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч. Т. 52, с. 92.

30 Документы внешней политики СССР. Т. III, с. 685.

исторических фактов турецким историкам отыскать, увы, не удалось — даже при самой крайней нужде.

Главным вопросом конференции стал территориальный. Надо было определять границу с Турцией.

Москва особенно была заинтересована в возвращении Батума — конечного пункта нефтепровода и железной дороги из Баку. Турки делали вид, что их беспокоит судьба мусульманского аджарского населения.

Считая себя покровителем мусульман Кавказа, Турция выдвинула в отношении отходящего к христианской Грузии Батума ряд условий: предоставление широкой автономии его населению, признание за мусульманами прав, касающихся их культуры, религии, свободного пользования землей и др. Советская сторона согласилась включить в текст договора положение о предоставлении автономии и гарантий мусульманам в отношении их культуры и религии. В свою очередь, Советская Россия сразу же заявила, что отказывается от права вмешательства в дела христианских меньшинств Турции. Это право было завоевано русской армией. Русское покровительство армянам в Турции гарантировалось 61-й статьей Берлинского трактата 1878 г. Турки предложили включить в договор формулировку об "уступке" Батума, что означало бы признание Советской Россией законности обладания городом Турцией в начале 1921 года. До октябрьского переворота Батум был российским городом, поэтому советская делегация попыталась возражать против турецкого предложения. Представитель Турции нашел своеобразный аргумент: предложенная редакция "дорога для народного чувства Турции и, вследствие сего, турецкая делегация была бы счастлива, если русская делегация уступит в этом вопросе"³¹. Советские дипломаты уступили, турки были счастливы.

По вопросу о Нахичевани турецкая сторона предложила следующую формулировку: "В силу самого факта призвания населением турецких войск, Нахичевань состоит под покровительством Турции, тем не менее, она согласна уступить это покровительство Азербайджану, при условии получения от Азербайджана обязательств не переуступить этого покровительства третьему государству"³². Советская сторона попросила изменить формулировку, убрав положение о покровительстве Турции, но оставив слова о протекторате над Нахичеванью Азербайджана. Так и было записано в договоре.

По Московскому договору к Турции отошла входившая прежде в состав Российской империи территория в 23 600 кв. км, состоявшая из Карсского, Ардаганского, Артвинского, Кагызманского, Ольтинского округов, южной части Батумского округа и Сурмалинского уезда³³.

Сурмалинский уезд, на территории которого находится гора Ара-рат — национальный символ армянского народа, не был занят турецки-

31 С. И. Кузнецова. Указ. раб., с. 51.

32 А. Н. Хейфец. Указ. раб., с. 115.

33 Там же, с. 112.

ми войсками. Даже по Александропольскому договору уезд считался спорной территорией. Но кемалисты настояли на передаче Турции и Арарата, и всего Сурмалинского уезда. Турция хотела получить зримое воплощение факта победы над своим исконным врагом. Утрата Арарата стала огромной потерей для армян на знаково-символическом уровне. Вершина священной горы видна из Армении, она постоянно напоминает о том, что произошло в 1921 году.

4 марта 1921 г. газета "Жизнь национальностей" (орган советского наркомнаца) опубликовала передовицу, где говорилось: "Армении безусловно придется руководствоваться ленинским принципом о величайших национальных жертвоприношениях. Ей придется отказаться не только от империалистических дашнакских замыслов о великой Армении, но, возможно, даже и от более скромного желания объединения тех земель, которые всегда назывались армянскими... И если бы даже в современной Армении беженцы из Битлиса и Вана терпели невероятные лишения, если бы оставшиеся в Турции армяне сейчас продолжали преследоваться и угнетаться правительством, все равно Армении до поры до времени ничего не остается, как примириться с этим и принести в жертву интересам мировой революции и бывшие территории, и оставшиеся там группы своего народа"³⁴. Объясняя факт передачи значительных российских территорий Турции, советские историки утверждали: "Попытка советского правительства полностью возвратить эти территории могла бы привести к войне с кемалистами, а это, в свою очередь, вызвало бы открытый переход кемалистов в лагерь Антанты. Все это кончилось бы возобновлением интервенции на юге нашей страны..."³⁵ Здесь без всякого доказательства, как несомненные факты, приводятся целых три более чем спорных предположения: во-первых, что кемалисты были готовы воевать с советскими республиками и имели для этого необходимые силы. Но к началу 1921 г. М. Кемаль располагал, по самым благоприятным для него оценкам историков, всего лишь 90-тысячной армией³⁶, большая часть которой воевала с Грецией. Весной 1921 г. греческая армия располагала 96 тыс. штыков и 1300 сабель³⁷. Численность Красной Армии к концу Гражданской войны хорошо известна — более 5 млн. чел. Воевать на два фронта, один из которых Русский, не могла даже Германия. Решилась ли бы на это Турция? Мягко говоря, сомнительно. Во-вторых, автор полагает, что кемалисты могли перейти в лагерь Антанты, а значит, заключить мир с греками. Но предположение о добровольном отказе Турции от Смирны (иначе бы Греция на мир не пошла) совершенно не основательно. Из-

34 С. И. Кузнецов а. Указ. раб., с. 50.

35 А. Н. Хейфец. Указ. раб., с. 116.

36 Ю. Н. Розалиев. Мустафа Кемаль Ататюрк. Очерк жизни и деятельности. М., 1995, с. 31.

37 А. Ф. Миллер. Указ. раб., с. 115.

мир стал знаково-символическим городом для М. Кемаля, отказавшись от него, генерал потерял бы в Турции авторитет и власть.

И третья гипотеза — о готовности Антанты начать новую интервенцию против Советской России только для того, чтобы поддержать Турцию, — может вызвать лишь недоумение. Усиление Турции было совершенно не нужно странам Антанты — ни Греции, ни Великобритании.

Советские историки признавали: «Согласившись на границу с Турцией, зафиксированную в Московском договоре, трудящиеся Советской Армении проявили подлинный пролетарский интернационализм, который, как указывал В. И. Ленин, требует со стороны нации, осуществляющей победу над бужуазией, способности и готовности "идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала"»³⁸. Вот только жертвы оказались напрасными — свергнуть международный капитал так и не удалось, а территории, которые для большевиков были только полем для экспериментов, но могли бы пригодиться в будущем, оказались потерянными.

Московский договор определял границу между Турцией и закавказскими республиками. В то время Советский Союз еще не был образован, поэтому статья XV договора гласила: "Россия обязуется предпринять в отношении закавказских республик шаги, необходимые для обязательного признания этими республиками в договорах, которые будут заключены ими с Турцией, статей настоящего договора, непосредственно их касающихся"³⁹.

Возник невиданный в истории юридический казус: Советская Россия и Турция заключили договор о новой границе, не имея ни одного метра сопредельной территории. В соответствии с существовавшими тогда нормами международного права такой договор считался недействительным.

Московский договор — событие, полностью выпадающее из всей предшествующей русско-турецкой истории. По своей сути он не имеет ничего общего со всеми предыдущими договорами России и Турции, завершавшими как победоносные для нас войны, так и поражения (например в Крымской войне). Прежде в любой ситуации русские государственные деятели руководствовались российскими государственными интересами. Московский договор 1921 г. заключался при полном игнорировании Лениным государственных интересов России. Однако этот договор был вполне закономерен для большевиков, служивших не России, а фантому, призраку Мировой Революции. Но ведь если даже оценивать Московский договор по критерию, выбранному самими большевиками, то и в этом случае его никак нельзя назвать проявлением мудрости. Турция не стала авангардом национально-освободительной борьбы с империализмом. Кемалистское руководство, когда

38 А. Н. Хейфец. Указ. раб., с. 117.

39 Документы внешней политики СССР. Т. III, с. 602.

оно получило всю полноту власти, ни в чем не проявило себя союзником Коминтерна.

В 1922 г. было арестовано свыше 200 человек — членов компартии Турции. После запрета компартии в 1923 г. террор кемалистского правительства был направлен не только против коммунистов, но и деятелей рабочего движения. Советские востоковеды тогда с грустью отмечали, что террор вновь усилился в 1924 году⁴⁰. Советская печать 20-х гг. проявляла ярчайшие образцы "двомыслия", когда в одних и тех же книгах через 2-3 страницы повествовалось то о прогрессивности Кемалья, то о его репрессиях по отношению к деятелям коммунистического и рабочего движения.

На Московской конференции было решено, что, возвращаясь на родину, турецкая делегация остановится в Тифлисе и заключит договоры со всеми тремя закавказскими республиками. Однако, приехав в Закавказье, Юсуф Кемаль неожиданно отказался это сделать. Турецкая сторона отказывалась выполнять и другие требования, вытекавшие из Московского договора.

В начале апреля 1921 г. в Эривань вошла Красная Армия, антибольшевистское восстание в Армении было подавлено. А в Александрополе, вопреки условиям Московского договора, продолжали стоять турки. Военный министр М. Кемалья неожиданно заявил, что турецкая армия, оставаясь на Кавказе, должна служить там "элементом равновесия". 13 апреля командующий Одиннадцатой армией Советской России проинформировал турок, что он "с великим прискорбием" принужден будет дать приказ о занятии Александрополя силой. Турки ушли, взорвав перед уходом пороховые склады и проявив обычное для них жесточайшее насилие по отношению к мирному армянскому населению.

Московский договор "О дружбе и братстве" предоставлял русскому населению Карсской области право покинуть Турцию. Турки не выполнили и этих условий договора — все мужчины в возрасте от 19 до 45 лет были отправлены на принудительные работы.

В Москве было достигнуто соглашение об оказании Турции безвозмездной финансовой помощи в размере 10 млн. руб. золотом, а также помощи оружием. В 1921 г. советское правительство направило туркам 33 275 винтовок, 58 млн. патронов, 327 пулеметов, 54 артиллерийских орудия, 129,5 тыс. снарядов и большое количество другого военного снаряжения. Кроме того, правительству Турции было безвозмездно передано 4 млн. руб. золотом в апреле 1921 г., 1,4 млн. руб. — в мае-июне, 1,1 млн. руб. — в ноябре того же года, 3,5 млн. руб. золотом — в мае 1922 г.⁴¹ Это месяцы страшного голода в Поволжье.

В письме от 25 мая 1921 г. турецкое правительство просило Москву предоставить дополнительную финансовую помощь в размере 50 млн. золотых рублей, а также срочно построить в Турции два важнейших

40 М. Г. Г а л к о в и ч. Восток и Турция. М., 1928, с. 110.

41 Документы внешней политики СССР. Т. III, с. 675.

для этой страны предприятия — пороховой завод и фабрику бездымного пороха⁴². Г. В. Чичерин вынужден был сообщить, что запасы золота в России неограничены, однако обещал "сделать все от нас зависящее в этом направлении"⁴³.

Получив из России оружие, Турция смогла начать наступление против греческих войск. В августе-сентябре 1921 г. греческая армия, дошедшая почти до Анкары, была отнесена от реки Сакарья. Верховный главнокомандующий турецкой армией М. Кемаль получил звание маршала и титул "гази" ("победитель").

Когда в России разразился тяжелейший голод, правительство М. Кемалья в сентябре 1921 г. предоставило своему союзнику безвозмездно 30 тонн кукурузы. Не 30 тысяч тонн, а 30 тонн — меньше одного вагона! Кроме того, было обещано прислать еще 800 тонн зерна и бобовых, причем время поставки указывалось нарочито туманно — "после сбора налогов"⁴⁴. Но налоги, видно, так и не собрали — обещание не было реализовано. Советская сторона не стала расценивать этот факт как явное оскорбление.

Положения Московского договора нужно было подтвердить в договорах Турции с республиками Закавказья. Все лето 1921 г. решали, где проводить международную конференцию: в Баку, Анкаре или Карсе. К началу осени в качестве места встречи делегаций был избран Карс.

Карсская конференция продолжалась с 26 сентября по 13 октября 1921 г. Ее итоговые документы подтвердили все решения Московской конференции, в том числе — новую границу с Турцией.

Комментируя итоги переговоров с советскими республиками, некоторые турецкие газеты осенью 1921 г. неожиданно стали писать примерно так: "Наши восточные границы начертаны нашим мечом"⁴⁵. Это было неправдой. Восточные границы были подарены Турции большевиками, ошибочно оценившими ее революционный потенциал и готовность, забыв вековые распри, стать главным внешнеполитическим союзником Кремля.

Через день после подписания Карсского договора, 15 октября 1921 г., турецкая газета "Иляри" (кемалистской ориентации) расставила новые акценты: "Русские уже оказали максимум своей поддержки и туркам, т.е. в тяжелый для нас момент они поставили нам военные припасы и удостоились нашей признательности (именно так! — А. И.). Но ничего больше... Русские не могут доставлять нам капитал, науки, технику и тысячи культурных средств, в которых мы нуждаемся, ибо и у них нет этого. При таких условиях было бы отныне наивно ждать большего от русских, руководствуясь чувством, становясь рабом прошлого..."⁴⁶

42 Там же, т. IV, М., 1960, с. 774.

43 Там же, с. 146.

44 Там же, т. III, с. 356.

45 А. Н. Х е й ф е ц. Указ. раб., с. 197.

46 Там же, с. 165.

Уже в конце 1921 г. турки не могли удержаться от антироссийских провокаций.

В декабре 1921 г. Г. В. Чичерин телеграфировал М. В. Фрунзе: "Турецкие эмиссары несомненно мутят в Аджарии, Дагестане и Горской республике. В наших руках имеются документы"⁴⁷.

Турецкое руководство не желало считаться ни с никакими интересами России, затем — СССР. В 1923 г. в Лозанне оно выступило против Москвы по вопросу о статуте Черноморских проливов. Но Кремль продолжал верить "лидеру национально-освободительного движения народов Востока".

В 1925 г. восстали курды, проживавшие вблизи границ Турции с СССР. В Кремле решили, что восстание носило провокационный характер и было организовано англичанами с целью посорить Москву с Анкарой. Советское правительство разоружило повстанцев, перешедших границу СССР в поисках спасения от турок⁴⁸.

Лишь во время Великой Отечественной войны открытая поддержка Турцией Германии заставила советское правительство изменить отношение к Анкаре. Однако эти изменения были поверхностными и не вылились в серьезные переговоры по территориальным вопросам. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции тоже не были готовы исправлять историческую несправедливость по отношению к армянскому народу, тем более ради расширения СССР. Глубокие идеологические разногласия и начинающаяся холодная война не позволили дипломатам великих держав вернуться к духу Севрского мирного договора. Негативные последствия Московского договора устранить не удалось и по сей день.

Для национальных интересов России большой потерей, связанной с Московским договором, стало изменение в национальном менталитете армян. Боль утраты, с которой армяне не могли примириться, не утихла десятилетиями. На самом исходе лет советской власти армяне требовали решительного восстановления исторической справедливости. Не дождавшись от Горбачева распространения "нового политического мышления" на армяно-русско-турецкие отношения, они решили действовать самостоятельно. Не только без Горбачева, но и без в то время все еще во многом вульгарно-большевизированной России. В результате мы потеряли очень, очень многое.

Пришло время восстанавливать связь времен, вернуться к традиционному духу русской политики в Закавказье. Признать, что Московский и Карсский договоры были несправедливыми. Может быть, поставить перед международным сообществом вопрос их правомерности и соответствия нормам международного права, т. к. они были заключены без учета мнений и интересов народов. Это ни в коем случае не означает какой-либо конфронтации с Турцией. Мы за развитие

47 Там же, с. 172.

48 Документы внешней политики СССР. Т. IV, с. 604.

всесторонних экономических отношений с Турцией, культурного обмена, туризма. Но ведь нельзя не видеть, что нет никаких предпосылок, в том числе – исторических, к тому, чтобы Турция стала нашим стратегическим союзником. Значит, России стратегический союз надо создавать с другими силами в регионе. Тем более что позиция Турции по курдскому и кипрскому вопросу подталкивает к мысли, что правящая элита Турции, видимо, не готова принять существующие сегодня в мире “правила игры”, признать права человека и народов, независимо от религий и национальностей.

России пора выходить из международной изоляции. Делать выбор.